

Мервин Пик. Над ухом мертвеца. Стихотворения.
Перевод с английского и вступительное слово Максима Калинина

Шота Иаташвили. Ластик. Стихотворения.
Перевод с грузинского Германа Власова

М е р в и н П и к

НАД УХОМ МЕРТВЕЦА

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Мервин Пик (1911–1968) как стихотворец до сих пор находился в тени Пика-прозаика, автора знаменитой трилогии «Горменгаст»¹. Но замечательный писатель и переводчик Асар Эппель однажды сказал автору этих строк: «На русский язык можно перевести все, что угодно. Любой акростих. Любой размер, аналогов которого нет в русском стихосложении. Но труднее всего переводить прозу. Проза — это тысяча стихотворений». Исходя из этого высказывания, Мервин Пик — поэт несомненный, поэт во всех многообразных проявлениях своего необычного и завораживающего творчества. Это подтвердилось выходом первого полного собрания стихотворений Пика в 2008 году². Стало очевидным, что в три сборника³, составленных самим Пиком, входит примерно четверть стихотворного наследия поэта, а все остальное не только не хуже, но заставляет горько сожалеть о раннем отходе Пика от дел. Здесь следует упомянуть, что вследствие болезни Паркинсона Мервин Пик, начиная с 1961 года до самой своей смерти, не написал ни строчки⁴. Тем не менее усилиями Мэв Гилмор — жены поэта — и его друзей в это время увидели свет сборники «Стихотворения и рисунки» (1965), «Раздумья на костях» (1967) и «Сказание о Падающей Бомбе» (1962) — самая сильная поэма Пика. После смерти вышли «Избранные стихотворения» (1972), «Книга нонсенса» (1972), «Сочинения

и рисунки» (1974), «12 стихотворений» (1975), «10 стихотворений» (1992), «11 стихотворений» (1995). Стихотворения посмертных сборников ни в коей мере не являлись бледным дополнением к сборникам прижизненным.

Мервина Пика следует признать мастером стихотворной миниатюры. Многие темы из первой книги «Звуки и призраки», написанной под сильным воздействием друга Пика — Дилана Томаса, — находят в последних стихотворениях более лаконичное и убедительное разрешение. Это объясняется тем, что у Пика никогда не было хорошего редактора-поэта. Стихийный гений Дилан Томас мало подходил для этой роли, Уолтер де ла Мар не выступил в роли наставника, а других поэтов, близких знакомых, у Пика не было: он больше вращался в кругу художников. Однажды, уже маститый, Грэм Грин¹ в переносном смысле выторол еще зеленого Пика, когда тот принес ему для публикации первую часть трилогии «Горменгаст», по сути своей — ни разу не редактированный черновик. После этого в письме своему другу Гордону Смитту Пик писал, что ему теперь нужно «безжалостно срезать с себя всю лишнюю и больную плоть»². Начинаящий писатель сделал единственно правильный вывод, и «Титус Гроан» имел успех. Увы, но в длинных стихотворениях Пика не видно следа тщательной проработки, а при составлении сборника важность темы превалировала над качеством исполнения. Второй сборник содержал 16 образцов поэзии нонсенса. Третий, «Стеклодувы», был семимильным шагом вперед, большинство стихотворений было написано в «золотой» период творчества Пика — в конце 40-х, когда поэт с семьей жил на острове Сарк. Но, как это часто бывает, то, что осталось лежать в ящике письменного стола, оказалось гораздо интереснее вышедшего в свет.

¹ Трилогия включает в себя романы: «Титус Гроан» (1946), «Горменгаст» (1950), «Одиночество Титуса» (1959). На русском языке опубликована издательством «Сумposium» в переводе С.Б. Ильина.

² Mervyn Peake, «Collected Poems, ed. R. W. Maslen», 2008.

³ «Звуки и призраки» (1941), «Рифмы без причины» (1944), «Стеклодувы» (1950).

⁴ Последнее стихотворение датируется июлем 1960 года.

¹ Грэм Грин в то время был одним из директоров издательства «Эр энд Споттизвуд». Они познакомились с Пиком в 1943 году в Челси.

² G. Peter Wainington, «Mervyn Peake's Vast Alchemies: The Illustrated, Authorised Biography», 2009.

ИЗ КНИГИ «ЗВУКИ И ОБРАЗЫ»

PALAIS DE DANSE

Видел ли ты
 В ее потупленном взгляде
 Отсверки
 Танцевального зала?
 Где она
 Бабочкой
 Вылупляется
 Из кокона действительности?

Видел ли ты как она
 Дробится в цветных зеркалах
 На тысячи
 Маленьких отражений?
 Незнакомец, постой!
 Изумись
 Первобытной красоте!

Найди ее в ослепительном множестве —
 Там, где тело поет и кровь не смолкает.
 Ее ноги
 В бесконечном при-топ-топ-топе.
 Ее шея сплошной излом.
 Мажорный мираж!
 Напудренное приведенье!
 Сигарета,
 Как белая тычинка с алым пыльником,
 Выпадает из знойного цветка
 О двух лепестках —
 Плотных и влажных.

Сыновья свинга при-топ-топывают.
 Гулкий зал в миллионный раз
 Готов спустить на нас
 Пестрого тигра! Растрепанные юнцы
 Вскакивают с мест, опустошенные ритмом.
 Джаз-банд подпрыгивает над сценой.

Где она теперь?
 Вскользь,
 В промельк
 Летит с мерцающим человечком,
 Изломанная
 Ритмами конгов.

ВАН ГОГ

Он умер! Умер — солнечный корсар!
 Всю Францию ограбивший, чтоб зорче
 Мы наблюдали кипарисов корчи
 И желтых нив полуденный кошмар.
 Упал с небес грот-зюндерский Икар
 На грудь земли в следах осенней порчи.
 Ее цвета он возлюбил всех горче
 И нам поднес как драгоценный дар.

Где жар тебя терзавших лихорадок?
 Ты — в деревушке с видом на Париж,
 Осмеянный подсолнухом лежишь,
 Но голос твой гремит цветами радуг
 С твоих повитых пламенем картин!
 И робко замолчу не я один.

НИКЧЕМНЫ МУКИ

Никчемны муки, лучше воровать
Аккорды горя, словно тать —
Пока органнй шаг
Колеблет мрак.

Я — беспокойный прах
У Ветра на устах,
И он меня повлек
На север, запад, юг, восток;

Удвоил сердца стук
И Призрака предрек — на нем клубук,
Иль светел он. Идет
С твоей могилы горе, словно лед,

Холодное — и мне
Украсть тебя с руки вполне,
Пока, сокрытый тьмой,
Болиголов скелет ломает мой.

ПЕСТРЯДЬ МОНЕТ

Мои глаза — чеканщики монет.
Рекою золото — но: «Нет!
Шабаш! —
Кричит им сердце — не входите в раж!
И так мне тяжело!»
От золота все зло:
Монеты больно бьют ребром,
И сердце звонкий груз влачит с трудом.

Богатство мне само в глаза течет,
На шиллинги разменян небосвод,
Экстаз — их номинал.
За пенсом пенс на ветер я кидал —

Спасенья нет
От пестряди монет.

Как только буря, снегопад, потоп
Пройдутся без дорог и троп
Моей страной щедрот,
Я — вслед, презренный мот,
Наживою влеком.
Но — пусто все кругом.
И я пускаюсь в пляс —
Ни фартинга сейчас
В загашниках бездонных глаз.
Я в воздухе густом могу летать,
Меня архиалхимиям не взять.
Стою пустой,
Очистившись от желчи золотой.

*ИЗ КНИГИ «СТЕКЛОДУВЫ»***КАМЕНЬ ПОХОЖИЙ НА СЕРДЦЕ**

Окоп копая, я наткнулся вдруг
На камень — только выбросить собрался,
Как замер — он похож на сердце был.
Пока, небрежно воткнутая в землю,
Лопата тихо падала, свою
Находку я рассматривал в ладонях,
Как раненую птицу, слабый пульс
Которой отдавался в грязных пальцах.
Я чувствовал, что камень тяжелел.
И понял, что в моих ладонях бьются
Два наших сердца, слитые в одно.

СТЕКЛОДУВЫ

Кивок... еще кивок во исполнение
Священных ритуалов ремесла.
Лирическая легкость сообщает
Величие тяжелому труду.

Кивок... еще кивок... Движеньем странным
Нанизан череп на звучащий ствол
Огромной дудки. Хриплое дыхание
Ныряет в закольцованную тьму.

Из воздуха в резервуарах щечных
Рождаются стеклянные стихи,
Замешаны на жидких диалектах
Песка и огнедышащей печи
Под сводами чудовищного цеха.

Здесь, на театре, судорожный свет
Заставил прыгать тени лицедеев,
Роняющие тяжкие ступни
На освещенный пол во время танца
Ладоней, пальцев, шеи, плеч.
Как следствие алхимии песчаной,
Тела пронзает беспощадный ритм,
Соизмеримый с частотой дыханья.

На гоблинов похожие, стоят
Рабочие с надутыми щеками,
Цветами побежалости горя.

Здесь воздух полон жестов и движений,
Мгновенных поз, что запечатлены
В эскизах переменчивого света.
Фигуры, колыхаясь и скользя,
Танцуют по гигантской глотке цеха,

Которой арки не дают сглотнуть.
Львы — из кирпичных клеток вырываясь,
Ревут и оставляют в пальцах тьмы
Обрывки раскаленно-рыжей гривы.

На лбу танцоров золотится пот.
Балетное камлание сочетает
Неловкую повадку работяг
И пластику воздушных акробатов.
Танцоры выдувают из огня
Шары хамелеоновой расцветки.
Похожие на грушу и на грудь
Набухшую, они свисают с трубок.

Вот кто-то вынул трубку изо рта,
Безжалостно прикусанную зубом,
И, почерпнув лимонного огня,
Натужно дует в черное пространство
И медленно вращает инструмент,
Предвосхищая миг, когда созреет
На трубке плод, прекраснее того,
Что некогда обжег уста Адаму.

Вращается в обители теней
Змееподобный пламень, червь горящий,
Частица света, порция огня,
Взлелеянные мудрою рукою.

Здесь каждый — дрессировщик и штукать,
Умеющий две разные стихии —
Песок и пламя — единить в одно,
Остановив прозрачные мгновенья.
Теперь, с волшебной палочки упав,
Они застыли — белые, нагие
На гулком цеховом полу. Взгляни:
Уснуло в них дыхание дракона.

ЧТО ЛЮДИ, ЧТО ДЕРЕВЬЯ

Что люди, что деревья: кто стоит
Особняком, а кто, сойдясь в кружок,
Какой-то тайной тихо шелестит;
Кто слезы льет, а кто поймал смешок.

Кто голову над городом задрал;
Кто без ухода высох бы давно;
Кто вышел ростом, кто — напротив — мал.
Что люди, что деревья — всё одно.

ЧТО ВСПОМИНАТЬ О ХЛЕБЕ И ВИНЕ

Что вспоминать о хлебе и вине
С тобой в разлуке? Листопад вполне
Душе созвучен. Прохожу я не-
Людим.

Шагаю в темноте и тишине.
Не превратится туча в вышине
В дракона. Отсыревший воздух не-
Движим.

Душа чужда и строчке, и струне.
И детства благовест не слышен мне.
Близнец сиамский, я с тобою не-
Делим!

ПО ЛАБИРИНТАМ ЛОНДОНА

По лабиринтам Лондона скользит
Пантера под личиною блондинки.
В пульсирующих ранах фонарей
Дрожат пылинки.

На тот переходя дорогу свет,
Она идет, вдали поют монеты,
А каблуки над ухом мертвеца —
Как кастаньеты.

За ней метнулся хитрый леопард,
Но что-то первобытное мелькнуло
В ее любовном взоре, и самца
Как ветром сдуло.

Из-под надгробья выбрался мертвец,
Крадется он в сиянии манишки.
Он знает, как отнять последний вздох
Не понаслышке.

В тревожном полусвете он скользит.
Минует Пикадилли без заминки
И оставляет перочинный нож
В груди блондинки.

ЛЮБОВЬ, Я ДУМАЛ, КРЕПОСТЬ

Любовь, я думал, крепость
О четырех стенах,
Но оказалось — птица,
Стригущая крылами
На четырех ветрах.

Она — дуэт крылатых.
Никто ее не знает
До точки, до штриха.
Последний влажный отблеск
На сохнувших чернилах
Последнего стиха.

Она стоит на камне?
 О нет, ее подножье —
 Зыбучие пески.
 Взмах палочки волшебной
 И пух чертополоший
 По сути ей близки.

Любовь растет под солнцем,
 Не ослабляя хватки
 Выносливых корней?
 А храм ее — твердыня,
 Где в золото камня
 Преображает хор?
 Но храм Любви витает
 Меж небом и землею,
 Он — как воздушный змей,
 По форме сердца скроен,
 А под крылом — простор.

Любовь не ствол древесный,
 Но — лиственный каприз;
 Она не волны моря,
 Но — рябь под легкий бриз;
 И — не на камне коршун,
 А — коршун камнем вниз.

В иной стране сердечной
 Она в ознобе бьется
 На дальнем берегу,
 Иль речкой скоротечной
 Плышет во мглу, во мглу.

ИЗ КНИГИ «МЕЧТАНИЯ СКЕЛЕТА»

ЖЕРТВЫ

В одежды смерти их не облачили,
 И ангел им крыла не положил
 Под голову.

Здесь некому скорбеть.
 И тишина над ними не раскрыла
 Свои болезнетворные цветы.
 Где руки, чтобы на груди погибших
 Крестом сложили черные клешни,
 Упорно загребающие воздух?
 Черкнет о каждом строчку в манускрипте
 История — бесстрастный хроникер —
 И под столом на свиток свой наступит.

БЛЕЙК

Когда он выпускал порой ночью
 Бесплотных духов в уличный извив,
 Поэзия стояла за спиной,
 Глаза ему ладонями закрыв.

Он зажигал костер самосожженья
 Частицею небесного огня.
 Божественность его воображенья
 Не перестанет восхищать меня.

МЕРТВАЯ КРЫСА

Будь фермер я, все воронье в округе
 Созвал бы, чтобы твой клевали труп!
 Ведь ты, грызун, полей моих потрава.
 Но я не фермер, просто пешеход,

И тельце онемелое заметил
 В стерне. Мороз его посеребрил.
 Мерцают глазки-бусинки, а лапки,
 Скрещенные безмолвно на груди,
 Напоминают руки. В ярком свете
 Рождественского утра понял я
 Взволнованной душой, что даже крыса
 Имеет право жить. И я постиг
 Всю красоту заиндевелой шкурки
 С холодной искрой. Никогда теперь
 Я не забуду розовые лапки,
 Скрещенные на замершей груди.

ОСЕНЬ

Леса волною тишины
 Захлестнуты — черны, красны.
 Не прерывает ни на миг
 Свой бег сатир. Речной тростник
 Заманивает в пестрядь чащ,
 Речитатив его бодрящ.
 Безумной музыки полет
 Бежит ушей, но в сердце бьет.
 Величественный небоскат
 Возвышен смертью во сто крат.
 А воздух — в облако стущен,
 Меня раскрашивает он
 Во всю палитру октября,
 А сердце бьется почему зря
 Об костяных ворот затвор,
 Лететь желая на простор.
 Как быстро, руки-ветки, вы
 Покрылись зеленью листвы!
 По сторонам раскинув их,
 Стою, а дождь печально-тих.
 Могильным холодом несет,
 Но сердце просится в полет,

Пока у чащи на краю
 Я красным деревом стою.

ИЗ КНИГИ «ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ»

В ЧАДУ СОМНЕНИЙ И ТРЕВОГ

В чаду сомнений и тревог,
 В чаду неверных строк
 Держусь тебя. Мой шаг нетверд,
 Но путь к тебе бежит,
 Так стрелка компаса дрожит,
 Уткнувшись в «норд».

Держусь тебя. Так в скорби срок
 Рассудок держится души.
 Мой путеводный огонек
 В ночной глуши.

ВСЕ ТАНЦЕВАЛИ ПОД МОЮ СВИРЕЛЬ

Все танцевали под мою свирель,
 Но время танцев ныне миновало,
 И, сердцем отвердев,
 Свою свирель сломал я об рассудок

И стал на скрипке соло исполнять.
 Но тут оркестр в безоблачное небо
 Ввинтил аккорд кровавый, и тогда
 Разбил я скрипку оземь.

Я забываю все, что раньше пел,
 Когда играют на органе горя,
 Когда звучит в концертном зале смерти
 Зловещая симфония войны.

Кристаллики мажорных нот топчу
Я каблуком, и душу изливаю
Не в звуках, но в слезах.

ЭЛЬ ГРЕКО

Они вонзают в мякоть небосклона
Свои шпалеобразные тела,
Которые спиралью обвила
Одежда с блеском старого дублона.
Святые исполины! Словно крона
Древесная, сквозь облако прошла
Макушка. Красота их ледяна
В осколках металлического звона.

Цветная боль когтит застывший мрак
Чащобы чувств, в земле укорененных,
И кровь струится меж стволов склоненных
Под тяжестью видений жутких — так
В слезах небес под сенью Гефсиманской
Отверзлись раны всей земли испанской.

РОБЕРТ ФРОСТ

Увы, расселась трещина в стволе,
Упали с веток иглы ледяные.
О, Роберт Фрост, он мог найти простые
Слова для всякой вещи на земле.

Разделишь путь с ним в странствиях неблизких,
И вновь лужайка сердца зелена.
Прибила пыль на улицах английских
Его новоанглийская весна.

ИЗ КНИГИ «12 СТИХОТВОРЕНИЙ»

ЛОНДОНСКИЕ АВТОБУСЫ

Металла окровавленные горы
Вползают в городские коридоры.
Как будто через каменную мглу
Корабль влачит малиновые мрежи.
Дома стоят все реже,
Клубится ярость вдоль дорожной бровки.
Живые — голосуют на углу,
И мертвые — стоят на остановке.

НЕ КАПИТАН И НЕ МАТРОС

Плыву, не капитан и не матрос,
Простым кораклем в бесконечном море.
Дрейфую по волнам своей души,
А вымпел-тень трепещется на солнце.
Мой груз огромен, но у лодки нет
Осадки никакой, то свет возьму
К себе на борт, то тьма балластом ляжет.
Нет корабля — мой обогнать коракль
На судоходе между тьмой и светом.

НЕСОБРАННЫЕ

ВОТ КАК СЕЙЧАС

Когда, вот как сейчас, в ночи ни звука,
А в небе ни звезды, и дом во тьме,
И в очаге остался только пепел,
И я один, и дверь закрыта на
Задвижку, и зашторены все окна —

Я спать ложусь, а поутру встаю
Уверенный, что эту ночь со мною
Делил мой призрак.

ЗАДЕРНИ, РАДИ БОГА, ЗАНАВЕСКИ

Задерни, ради Бога, занавески —
Толпится за окошком красота:
Квартет сырых полей и ливень в ильмах,
И зелень яблонь в серых небесах.
Мне не до них — я нынче не настроен
На дифирамбы! Черт их побери!
Задерни занавески. Свет включи.
Чего смотреть на плеск листвы во мраке?
Чего смотреть... Я выбился из сил
За чудеса ответственным считаться.
Природа... Как стерпеть, когда она
Зовёт, приподнимая край вуали.

НИКАК ВО МНЕ ВЕСЕЛОСТЬ НЕ ЖИВЕТ

Никак во мне веселость не живет.
Наверное, я крестник облакам,
В рыданье прерывающим полет;
Сородич ивнякам
Во тьме болот.

Должно быть — Горе нянчилось со мной.
И лишь когда вечерний небосвод
Сулит на завтра дождик проливной,
Мой тихий дом
Заполнен волшебством.

А МОЖЕТ БЫТЬ, СВАЛЯЯ Я ДУРАКА

А может быть, сваяля я дурака,
Сказав траве и дереву «пока»,
Не преминув потом
Проститься со снопом?
С полями я прощаюсь на ходу,
Знакомой деревушкой иду.
Дома глядят
Глазами золотыми на закат.
А тем стогам,
Торчащим там и сям,
Как рухнувшие с неба облака,
Я тоже должен говорить «пока»?
Нет, ни за что — еще не кончен день,
Не все красоты ускользнули в тень,
Сейчас упустишь — после не найдешь.
И солнце будет, а белесый дождь
Не соберется...

Перевод с английского Максима КАЛИНИНА